

Глава V ДОСТОЕВСКИЙ: ДВИЖЕНИЕ К «ДОН КИХОТУ»

Широко известно, что Достоевский очень высоко оценивал главное создание Сервантеса. Но попытаемся разобраться в деталях этой оценки и в том, как она складывалась на протяжении духовной и творческой эволюции великого русского писателя.

С. Пискунова считает, что роман Сервантеса с ранних лет был настольной книгой Достоевского и следы влияния «Дон Кихота» видны уже в первых его произведениях¹³⁰.

Л. Букетова-Туркевич полагает, что «донкихотскими» героями являются уже главные персонажи первых двух произведений Достоевского — «Бедные люди» (в этом случае она, правда, ссылается на итальянского исследователя В. Джустини) и «Двойник»¹³¹. Макар Деушкин, будучи очень немолодым, бедным и не имеющим, казалось бы, никаких возможностей для этого, берет под свою защиту и покровительство Вареньку — как рыцарь. В свою очередь, Голядкин тоже стремится взять под защиту дочь своего благодетеля — Клару Олсуфьевну, не имея на то ни средств, ни возможностей, причем в последнем случае к признакам сходства добавляется еще то, что любовь к нему Клары Олсуфьевны и нужда в его защите являются лишь плодом его воображения.

Но, думается, тут имеет место некоторая натяжка. Да, конечно, в действиях и помыслах Деушкина присутствуют и желание самоутверждения, и чисто мужское влечение, и неумение понять и оценить свои возможности, в результате чего он не может по-настоящему помочь

¹³⁰ Пискунова С. И. Донкихотская ситуация в ранней прозе Достоевского // Вестник МГУ. 2006. № 1.

¹³¹ Buketoff Turkevich L. Dostoevsky in Russia. P. 120—121.

Вареньке и чем дальше, тем хуже слышит ее¹³². Но здесь нет еще главного признака «донкихотской ситуации» (используем здесь этот термин Л. Пинского¹³³, хотя и вкладываем в него иное содержание): Макар не считает себя обладающим знанием — как надо помогать людям, и не вмешивается в мир с целью изменить его (хотя и выражает иногда, в отчаянии, недовольство существующим порядком вещей). Его «поле действия» — судьба Вареньки, и финал — увозимая в небытие плачущая Варенька — есть итог этих действий Макара. Что же касается Голядкина, то он совсем далек от Дон Кихота: Клара Олсуфьевна нужна ему лишь из карьерных соображений, и как только его благополучие начинает рушиться, «любовь» к дочке Олсуфия Ивановича заменяется в его душе на ненависть. Кроме мотива помешательства (да и то, в случае Голядкина, на почве исключительной заботы о собственном благе), ничего общего с романом Сервантеса нет¹³⁴.

И вот здесь мы должны сказать об одном странном обстоятельстве, которое заставляет с некоторым сомнением отнестись к суждениям С. Пискуновой и Л. Букетовой-Туркевич. Как ни удивительно, и в художественных произведениях, и в статьях и письмах Достоевского «докаторжного» периода упоминания имени Сервантеса и его героя практически отсутствуют. Особенно удивляет это отсутствие в письмах — письма Федора Михайловича 1838—1845 гг. брату Михаилу (переведенному в 1838 году из Санкт-Петербурга в Ревель, нынешний Таллинн) напоминают краткий курс истории западноевропейской литературы: будущий великий писатель в эту пору очень много читал и излагал брату свои впечатления от прочитанного — от Гомера до Корнеля, от Гете до Гюго и от Шекспира до Бальзака; но ни имени Сервантеса, ни имени его самого главного героя в этих письмах нет.

¹³² Подробнее об этом см. главу «Тайна человека в романе “Бедные люди”» в книге: Степанян К. А. Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского. СПб.: Крига, 2010. С. 92—108.

¹³³ Пинский Л. Реализм эпохи Возрождения. С. 301—308 и др.

¹³⁴ «Поправляя» Л. Букетову-Туркевич в отношении В. Джусты (этот исследователь сопоставлял с Дон Кихотом и Голядкина), В. Багно в своей недавней монографии «Дон Кихот в России и русское донкихотство» также отрицает наличие «генетической связи» между Девушкиным, Голядкиным и Дон Кихотом (Багно В. Е. Дон Кихот в России и русское донкихотство. С. 86).

Здесь надо отметить, что к 1830—1840-м годам XIX века в России уже существовало несколько переводов великого романа Сервантеса (до конца XVIII — начала XIX века русская читающая публика могла знакомиться с созданием Сервантеса в основном по французским и немецким переводам). А известен герой Сервантеса был в России уже во времена Петра I, о чем говорит хотя бы такой забавный эпизод: по свидетельству одного из приближенных императора, действительного статского советника А. Нартова, государь, во время одной из поездок в Европу проезжая по Австрийским Нидерландам (часть территории нынешней Бельгии, отошедшей от Испании к Австрии после войны за испанское наследство 1701—1714 гг.) и увидев в каком-то месте «великое множество ветряных мельниц, рассмеявшись, Павлу Ивановичу Ягушинскому сказал: “То-то бы для Дон-Кихотов было здесь работы!”»¹³⁵. Роман Сервантеса был в библиотеке Ломоносова, Василий Тредиаковский упоминал в своем «Разговоре о правописании» о «скитающемся рыцаре Донкишоте и стремянном его Саншо Пансо», обращались в своих сочинениях и письмах к образу героя Сервантеса и Сумароков, и Державин, и Крылов, и Радищев, и Карамзин¹³⁶. Первая публикация «Дон Кихота» на русском языке (только начальные двадцать семь глав) относится к 1769 году, переводчиком был некто Игнатий Тейлс, преподаватель немецкого языка в Пехотной Академии Санкт-Петербурга, перевод был сделан с французского издания. Второй перевод — тоже с французского — был сделан двадцать с небольшим лет спустя Николаем Осиповым, присяжным поверенным Секретной Имперской Канцелярии. Выходил этот перевод несколькими изданиями с 1791 по 1812 годы (в это же время, в конце XVIII — начале XIX веков, выходят русские переводы «Назидательных новелл», «Галатеи», отрывков из «Странствий Персилеса и Сихизмунды»). В конце XVIII века «Дон Кихот» был достаточно известен в России (по утверждению М. Дмитриева, роман этот «непреречно уже находился в каждой деревенской библиотеке»¹³⁷ — библиотеке дворянской усадьбы, разумеется), часто упоминается в литературных произведениях того времени, появляется несколько опер и балетов на сюжет рома-

¹³⁵ Он въезжает из другого века... С. 25.

¹³⁶ Там же. С. 25—33; Багно В. Е. Дон Кихот в России и русское донкихотство. С. 15—16.

¹³⁷ Державин К. Н. Сервантес. С. 607.

на Сервантеса, императрица Екатерина Вторая рекомендовала своему сыну, наследнику престола Павлу (которого впоследствии будут называть «русским Дон Кихотом»), читать этот роман по-русски. С 1804 по 1806 год выходят шесть томов нового перевода, сделанного замечательным русским поэтом Василием Жуковским, — но опять-таки по французской версии романа (переизданы в 1815 году). Еще один перевод с французского, сделанный неким С. С. де Шаплетом, выходит в 1831 году. Наконец, в 1838 году Белинский поздравлял русских читателей с выходом «великолепного издания» «Дон Кихота». Это был выпущенный в Санкт-Петербургском издательстве Плюшара перевод первой части романа Сервантеса (уже с языка оригинала), выполненный К. Масальским. Белинский упоминает при этом предыдущие переводы и как на несомненное достоинство перевода К. Масальского указывает на то, что он «кажется, сделан с подлинника, по крайней мере можно смело ручаться, что без всяких перемен и искажений». Упомянув о «великой славе великого создания Сервантеса», Белинский назвал «Дон Кихота» романом, с которого «началась новая эра искусства, нашего, новейшего искусства. Он нанес решительный удар идеальному направлению романа и обратил его к действительности. Это сделано Сервантесом не только сатирическим тоном его произведения, но и высоким художественным его достоинством: все лица его романа — лица конкретные и типические. Он более живописал действительность, нежели пародировал устарелую манеру писания романов, может быть, вопреки себе, своему намерению и цели»¹³⁸ (любимая мысль русских демократических критиков того времени о расхождении между сознанием писателя и его творческим даром, идеологом и художником). По выходе второй части романа Белинский обещал написать об этом специальную статью. Однако второй том так и не вышел и статью Белинский не написал. В других своих статьях и письмах Белинский определял главного героя романа, стремящегося «создать для себя действительность вне действительности», как человека «с пламенным воображением, любящую душу, благородным сердцем, даже с сильной волей и с умом, но без рассудка и такта действительности», чья «идея» «противоположна требованиям времени» и «не может быть осуществлена в действительности,

¹³⁸ Белинский В. Г. Собрание соч.: В 9 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1977. С. 305—306.

в приложении к делу»¹³⁹. Странно, что и известный русский критик, и многие другие читатели и специалисты, говорящие о разрыве между «идеей» Дон Кихота и требованиями времени, словно бы не замечают, что и в пору расцвета рыцарства старый и больной человек вряд ли смог бы реализовать свою «идею» так, как ему представлялось в мечтаниях. Впрочем, среди суждений Белинского о Дон Кихоте есть и такое прощательное замечание: «разве изувер по убеждению в наше время не Дон Кихот?»¹⁴⁰.

Таким образом, полного качественного перевода «Дон Кихота» на русский язык к середине XIX века не существовало. В полном виде Достоевский читал роман, видимо, все же по-французски, в переводе Луи Виардо. Первое издание этого перевода вышло в 1836-ом, второе — в 1862—1863 годах (за несколько лет до начала работы Достоевского над романом «Идиот»). Именно это издание имелось в библиотеке Достоевского¹⁴¹, о «превосходном переводе» «Дон Кихота», сделанном Луи Виардо (который доказал этим переводом «свою художественно-критическую способность и, сверх того, чуткость в понимании поэзии чужих национальностей»), Достоевский писал в статье «По поводу выставки» в 1864 году (21; 68). Здесь необходимо отметить, что труд К. Масальского завершил в 1866 году В. Карелин — однако этот перевод, по свидетельству А. Смирнова, «хотя и безусловно лучший в литературном отношении, имеет прежде всего тот основной недостаток, что он сделан, вопреки заявлению автора, не с испанского, а с французского... Но еще хуже то, что переводчик не счел себя обязанным хотя бы строго придерживаться французского текста, в силу чего ряд пассажей является у него не переводом, а вольным пересказом Сервантеса»¹⁴². Таким образом, к началу работы над «Идиотом» Достоевский в принципе мог прочесть весь роман и по-русски (но, думается, все же отдавал предпочтение французскому переводу Л. Виардо).

¹³⁹ Белинский В. Г. Полное собр. соч.: В 13 т. Т. 6. С. 34; т. 12. С. 137.

¹⁴⁰ Там же. Т. 9. С. 81.

¹⁴¹ См.: Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005. С. 214.

¹⁴² Смирнов А. А. О переводах «Дон Кихота» // Сервантес Сааведра М. де. Хитроумный идальго дон Кихот Ламанчский. Л.: изд. Academia, 1929. С. LXXXIV.

Но вот когда Достоевский впервые прочитал роман Сервантеса и каковы были его первые впечатления от этого произведения, мы, к сожалению, не знаем.

Первое краткое упоминание о «Дон Кихоте» мы встречаем у Достоевского в раннем юмористическом «Романе в девяти письмах». «Роман...» этот был написан, по словам автора, «за одну ночь» в ноябре 1845 г. и предназначался для альманаха «Зубоскал», который был задуман в начале октября 1845 г. Н. Некрасовым и должен был выходить под редакцией Н. Некрасова, А. Григоровича и Достоевского. Альманах был запрещен цензурой, и «Роман...» был передан автором в журнал «Современник», где и появился в № 1 1847 года (1; 500—501). Небольшое произведение это представляет собой переписку двух шулеров, Петра Ивановича и Ивана Петровича, первый из которых должен второму триста пятьдесят рублей серебром и использует всяческие ухищрения, вплоть до придуманной смерти тетушки, чтобы избежать встречи, объяснения и возврата денег. Попутно выясняется, что приятель обоих, некий Евгений Николаевич, наставляет рога одному из них и являлся возлюбленным жены другого (о чем авторы писем последовательно уведомляют друг друга). И вдруг среди всего этого мрака («Роман...», как и произведение Сервантеса, не смешно, а грустно читать сейчас) в письме Петра Ивановича возникает такой абзац: «Жена моя отсылает вашей супруге книжку ее, оставшуюся у нас, — “Дон-Кихота Ламанчского”, с благодарностью. Что же касается до ваших калош, будто бы забытых вами у нас во время последнего посещения, то с сожалением уведомляю вас, что их нигде не нашли. Покамест их ищут; но если их совсем не найдут, тогда я вам куплю новые» (1; 238). Комментаторы полного собрания сочинений пишут, что здесь имеется в виду, вероятно, вышедший в 1838 г. в Санкт-Петербурге перевод первой части «Дон Кихота», выполненный К. Масальским. Можно только гадать, зачем понадобился здесь Достоевскому роман великого испанца — для контраста? для некоего указания? («разоблачающая» записка жены Ивана Петровича, Татьяны, адресованная Евгению Николаевичу, написанная накануне свадьбы и заботливо пересланная Петром Ивановичем «другу», тоже выбивается из юмористического тона «Романа...» своим трагическим настроением, она почти повторяет последнее письмо Вареньки Макару Девушкину перед свадьбой с Быковым). Отметим еще только одну деталь: как много раз бывало

у Достоевского, даже такое, вроде бы шутовское, произведение это оказалось провидческим: так и не добившийся возврата денег Иван Петрович уезжает в Сибирь вместе с женой Татьяной, сопровождать их в пути, видимо, будет Евгений Николаевич... Ситуация повторится через десять лет, когда Достоевский будет жить в Сибири вместе с первой женой Марией Дмитриевной и в незримом присутствии молодого учителя Вергунова, которого Мария Дмитриевна любила до свадьбы с Достоевским и, скорее всего, продолжала любить после, и который, судя по некоторым данным, сопровождал их впоследствии на пути из Кузнецка в Тверь.

Следующее (и последнее) упоминание героя Сервантеса мы встречаем в «докаторжный» период жизни Достоевского уже только в материалах по делу петрашевцев. Мы помним, что свое «Введение к “Дон Кихоту”» читал на собраниях кружка М. Петрашевский. Сам Достоевский, уже в своих показаниях на следствии, на вопрос о том, что и «в каком духе» читал на собраниях петрашевцев уже известный нам К. И. Тимковский (отставной флотский офицер, живший в Ревеле и организовавший там социалистический кружок, у петрашевцев бывавший наездами и читавший на одном из собраний лекцию о системе Фурье), отвечает очень осторожно, стараясь не причинить своими показаниями вреда товарищу: «Это, показалось мне, один из тех исключительных умов, которые если принимают какую-нибудь идею, то принимают ее так, что она первенствует над всеми другими, в ущерб другим. Его поразила только одна изящная сторона системы Фурье. <...> Во всех других отношениях Тимковский показался мне совершенно консерватором и вовсе не вольнодумцем. Он религиозен и в идеях самодержавия. <...> Несмотря на свои лета (Тимковскому было в то время 35 лет. — К. С.), он еще в первом периоде своего фурьеризма, который случайно попал на его дорогу в глуши провинциальной жизни. Недостаток внешней жизни, избыток внутреннего жара, врожденное чувство изящного, требовавшее пищи, и, главное, недостаток прочного, серьезного образования, вот, по моему мнению, что сделало его фурьеристом. <...> Некоторые принимали его за истинный, дагерротипно верный снимок с Дон-Кихота и, может быть, не ошибались» (18; 152—153). Эта замечательная характеристика свидетельствует, помимо прочего, о том, что роман Сервантеса Достоевским к тому времени, во всяком случае, был прочитан.

Больше упоминаний романа Сервантеса и его героя в известных нам текстах Достоевского очень долгое время нет. После возвращения в Санкт-Петербург и возобновления активной литературно-общественной деятельности мы встречаем еще только одно упоминание «Дон Кихота» — кроме уже процитированного выше, по поводу перевода Л. Виардо.

В октябрьском номере журнала братьев Достоевских «Время» за 1862 год была напечатана статья «Голос за петербургского Дон-Кихота. По поводу статей г. Театрина». В ней дается отповедь некоему г. Театрину (псевдоним), члену петербургского литературно-театрального комитета, который в газете «Санкт-Петербургские ведомости» возразил критику Д. Минаеву, в статье «Заметки Дон-Кихота С.-Петербургского» критически оценившему репертуар столичных театров и работу литературно-театрального комитета. Г. Театрин апеллировал (как часто его коллеги делают и сейчас!) ко вкусу публики — публика-де хочет смотреть непритязательные водевили, а не серьезные драматические произведения; автор же статьи во «Времени» указывает на то, что задача людей, причастных к искусству, — направлять вкус публики, а не еще более исказить его, «поблажая его неразвитости». Редакторский коллектив издания «Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений. Канонические тексты» во главе с профессором В. Захаровым атрибутирует эту статью Достоевскому¹⁴³. Поэтому нам интересно то, что сказано в статье как бы применительно к Д. Минаеву, но на самом деле о герое Сервантеса. Вот эти два пассажа, в которых соседствуют уважительное отношение и ирония (даем в современной орфографии — в цитируемом Собрании сочинений все тексты публикуются в орфографии времен Достоевского):

Очевидно, что дон-Кихот на все смотрит со своей точки зрения, во всем видит нечто волшебное и чародейственное, — и это совершенно в его характере. Мало того, сей странствующий рыцарь вполне убежден, что все неправды, все злоупотребления совершают не люди, — а все какие-то волшебники и волшебницы (очень важное замечание в свете дальнейшего; кроме того, мы видим, что уже здесь Достоевский начинает слегка «дописывать» за Сервантеса, что

¹⁴³ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: Канонические тексты. Т. V. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. С. 804.

с полной силой выразится через полтора десятка лет в статье «Ложь ложью спасается», о чем речь впереди. — К. С.). О высокое, благородное безумие! Из какой глубокой веры в честность человечества ты истекаешь!

А чуть ниже в той же статье:

Быть может, у нас оттого так много всяких неправд и злоупотреблений, так много невежд, взяточников и казнокрадов, что так мало, увы! очень мало святая Русь производит на свет дон-Кихотов. Ведь дон-Кихот (Сервантеса, прибавим), — это идеал честности, неподкупности и неустрашимости.

Ламанчский дон-Кихот отпер клетку со львом, и вызвал сего царя зверей на бой. Петербургский дон-Кихот льва не вызовет, а много-много что отворит двери в заседание какого-нибудь комитета и поглядит, что там делают чародеи — или господа Театрины.

Лев, когда-то вызванный ламанчским дон-Кихотом, только зевнул и повернулся к нему хвостом, не чувствуя за собой ни какой вины; и вы, г. Театрин, сделали бы гораздо лучше, если бы на вызов петербургского дон-Кихота также бы зевнули, но вы этого не могли сделать: правда, хоть и замаскированная, кольнула вас, вы испугались...¹⁴⁴

А уже находясь на вершине развития своего творческого дара, в 1876 году, после создания романов «Идиот» и «Бесы», Достоевский писал о романе «Дон Кихот» в «Дневнике писателя»: «Во всем мире нет глубже и сильнее этого сочинения¹⁴⁵. Это пока **последнее и величайшее слово человеческой мысли**, это самая горькая ирония, которую только мог выразить человек, и если б кончилась земля, и спросили там, где-нибудь, людей: “Что вы, поняли ли вашу жизнь на земле и что можете о ней заключить?” — то человек мог бы молча подать Дон Кихота: “Вот мое заключение о жизни и — можете ли вы за него осудить меня?”. Я не утверждаю, что человек был бы прав, сказав это, но...» (22; 92) (почему-то это сложнейшее и «открытое» в таинственную глубину рассуждение зачастую прочитывается как утверждение: человечеству, мол,

¹⁴⁴ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: Канонические тексты. Т. V. С. 331—333.

¹⁴⁵ Думается, Достоевский потому здесь иронически выделил это слово, почему писал чуть ранее в полемике с критикой своего времени: «Неужели фантастичный мой “Идиот” не есть действительность, да еще самая обыденная!» (29, I; 19).

достаточно будет предъявить эту книгу на Страшном Суде и оно будет оправдано; последняя фраза почти никогда не приводится при цитировании).

(Высочайшая оценка Достоевским романа Сервантеса как вершинного творческого достижения человеческого гения получила подтверждение уже в наши дни, когда Нобелевский комитет обратился к ста виднейшим писателям современности с предложением составить список из десяти лучших романов всех времен и народов. Первое место по результатам этого своеобразного голосования занял «Дон Кихот»¹⁴⁶.)

Но между 1864 годом и этим высказыванием Достоевского произошло очень многое. В первой главе мы «расстались» с Достоевским тогда, когда он после «Преступления и наказания» и романа «Игрок» задумал создать роман о «положительно прекрасном» человеке. И как только Достоевский приступает к воплощению этого замысла, в его творческом сознании первым из всех созданий его предшественников (насколько мы можем судить по имеющимся у нас свидетельствам) возникает образ Дон Кихота и возникает рядом со Христом! Вот как описано это в письме от 1 (13) января 1868 г. любимой племяннице С. Ивановой:

Недели три назад <...> принялся за другой роман (после отказа от многочисленных предыдущих планов романа, герой которого был скорее похож на будущего Ставрогина. — К. С.) и стал работать день и ночь. Идея романа — моя старинная и любимая, но до того трудная, что я долго не смел браться за нее, а если взялся теперь, то решительно потому, что был в положении чуть не отчаянном (Достоевский обещал новый роман журналу «Русский вестник» и получил немалый аванс — что в его тогдашних условиях проживания за границей и бесконечных «рулеточных» проигрышей было просто спасением жизни его и его беременной жены Анны Григорьевны, а до обещанного срока отсылки первых глав в редакцию времени почти не оставалось. — К. С.). Главная мысль романа — изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а **особенно теперь**. Все писатели, не только наши, но **все европейские**, кто только не брался за изображение положительно прекрасного, — всегда пасовал. Потому что это задача безмерная. Прекрасное есть идеал, а идеал — ни наш, ни цивилизованной Европы — еще далеко не выработался.

¹⁴⁶ Анастасьев А. История с географией. С. 208.

На свете есть одно только положительно прекрасное лицо — Христос, так что явление этого безмерно, бесконечно прекрасного лица уж конечно есть бесконечное чудо. (Все Евангелие Иоанна в этом смысле; он все чудо находит в одном воплощении, в одном появлении прекрасного). Но я слишком далеко зашел. Упомяну только, что из прекрасных лиц в литературе христианской стоит законченнее всего Дон Кихот. Но он прекрасен единственно потому, что в то же время и смешон. Пиквик Диккенса (бесконечно слабейшая мысль, чем Дон Кихот; но все-таки огромная) тоже смешон и тем только и берет. Является сострадание к осмеянному и не знающему себе цены прекрасному — а, стало быть, является симпатия и в читателе. **Это возбуждение сострадания и есть тайна юмора.** Жан Вальжан, тоже сильная попытка, — но он возбуждает сострадание по ужасному своему несчастью и несправедливости к нему общества. У меня нет ничего подобного, ничего решительно, и потому боюсь страшно, что будет положительная неудача (28, II; 251)¹⁴⁷.

¹⁴⁷ Чрезвычайно любопытно, однако, что мысль Достоевского обратилась к роману Сервантеса еще раньше, на той стадии работы, когда герой будущего «Идиота», повторим, был более похож на Ставрогина, чем на Мышкина канонического текста. Как обратил недавно внимание Б. Тихомиров (*Тихомиров Б. Н. Задачи и проблемы издания записных книжек и тетрадей Ф. М. Достоевского // Вестник РГНФ. 2010. № 1 (58). С. 103—104*), на полях заметок, сделанных Достоевским еще 27 октября 1867 г. (они опубликованы в ПСС (9; 165—167)), есть записи: «Мадазима» и «Хазильдея Вандальская» (это не отражено в ПСС). Исследователь совершенно справедливо обращает внимание на то, как спор Дон Кихота со встреченным им в горах Сьерра Морена Карденио о достоинствах героини рыцарских романов королевы Мадасимы — Карденио уверяет, что Мадасима сожительствовала с лекарем Элисабатом, Дон Кихот же утверждает, что это выдумки «невежественной и злопыхательствующей черни», а Мадасима обладала незапятнанной честью и «была не только прекрасна, но и в высшей степени благо-разумна и стойка в несчастьях» (I, 282—287), а также спор Рыцаря Печального образа и Рыцаря Зеркал (бакалавра Самсона Карраско) о сравнительных достоинствах их дам, Дульсиныи Тобосской и Касильдеи Вандальской (глава XIV из второго тома), — соотносятся с сюжетом будущего повествования о князе Мышкине, Настасье Филипповне, Тоцком, Аглае и других героях «Идиота». Кстати, форма написания Достоевским имен из сервантесовского романа (а также часто употребляемая им форма написания имени Пансы — Санхо) также косвенно свидетельствует о том, что роман этот был прочтен им во французском (или сделанном с французского) переводе.

О том, что «получилось» у Достоевского в романе «Идиот», мы будем говорить в этой книге. Пока же вспомним еще одно высказывание Достоевского о создании Сервантеса, сделанное спустя несколько лет после окончания работы над романом о «положительно прекрасном» человеке.

Эту самую *грустную* из книг не забудет взять с собой человек на последний суд Божий¹⁴⁸. Он укажет на сообщенную в ней **глубочайшую и роковую тайну** человека и человечества. Укажет на то, что величайшая красота человека, величайшая чистота его, целомудрие, простодушие, незлобивость, мужество и, наконец, величайший ум (прервем здесь цитату, чтобы обратить внимание, как похоже это определение на характеристику Христа, могущего оказаться «вне истины», из письма Достоевского Фонвизиной 1854 г. — К. С.) — все это нередко (увы, так часто даже) обращается в посмеяние человечеством единственно потому, что этим благороднейшим и богатейшим дарам, которыми даже часто бывает награжден человек, недоставало одного только последнего дара — именно: *гения*, чтобы управить всем богатством этих даров и всем могуществом их, — управить и направить все это могущество на правдивый, а не фантастический и сумасшедший путь деятельности, во благо человечества! (26; 25).

Никто, почему-то, до сих пор не обращал внимания, что тем самым Достоевский лишает «*hidalgo ingenioso*» — «именно: *гения*»! Попробуем в дальнейшем разобраться в этом, а также понять, *какой же путь Достоевский считает «правдивым», направленным на «благо человечества».*

¹⁴⁸ Характерно, что эту оценку Достоевского — идущую вразрез со многими и многими толкованиями романа — повторил (вряд ли будучи знаком с «первоисточником») Мартин Андерсен Нексе: «Книга полна чувства грусти. Что же с того! Ведь можно так глубоко заглянуть в бытие, в жизнь, что забудешь о смехе» (цит. по: *Державин К. Н. Сервантес. С. 659*).